

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

В. В. ВЕСЕЛИТСКИЙ
Москва

НОРМА И ВАРИАНТ

При любом понимании нормы в современном языкознании она выступает как некоторая совокупность установлений, регулирующих словоупотребление в соответствующий период в той или иной сфере языка. «Нормированность» рассматривается как общее свойство живого, функционирующего языка, но в первую очередь это относится к языку литературному. Литературный язык представляет своего рода высшую форму общенародного языка именно потому, что в нем воплощены все основные, наиболее характерные и в известной мере лучшие черты данного языка. Само название «литературный» применительно к языку указывает на тесную генетическую и органическую связь его с литературой. Литературный язык возникает и развивается прежде всего в письменно-литературной сфере, и здесь он обрабатывается и совершенствуется мастерами слова, писателями, учеными.

Конечно, наряду с нормами, свойственными литературному языку в целом, различаются и более частные установления, действующие в отдельных областях языка — грамматике, лексике, звуковом строе. В совокупности они создают систему норм, определяющих функционирование языка на разных «ярусах» и обеспечивающих преемственность в его историческом развитии. Язык, как известно, не остается неизменным; и на любом этапе в нем различаются явления новые, возникающие; и устаревающие, уходящие в периферийные слои употребления; выделяются более и менее распространенные слова и формы; наконец, имеются просто сосуществующие в силу тех или иных причин разные способы выражения одного содержания.

Такие параллельно существующие равнозначные средства наблюдаются в языке всегда, являясь своего рода приметой его развития. Применительно к современному языку это такие случаи, как *стакан чая — стакан чаю, в отпуску — в отпуске, секторы — сектора, пришло десять человек — пришли десять человек* и т. д. При более широком понимании дела сюда же можно отнести и некоторые дублетные и близкосинонимичные пары (однако, как увидим, этот вид вариантности характерен, в основном, для предшествующих периодов истории литературного языка). Такие расхождения в выражении одного и того же или тождественного смысла находятся в пределах нормы, «разрешаются» ею. Они не нарушают общей стройности и упорядоченности языкового употребления и служат, как говорилось, закономерным проявлением исторического развития языка, постоянно происходящих в нем стилистических, лексико-семантических и других изменений.

Разные способы выражения одного содержания можно считать вариантами. Историческое изучение литературного языкового материала показывает, что соотношение и самое содержание нормы и вариантов оказываются неодинаковыми в разные периоды языка. Режущим здесь бывает состояние системы языка, обуславливающее конкретную конфигурацию нормы. В истории русского литературного языка нового времени есть период (XVIII — начало XIX в.), когда весьма резко обнаруживаются отличия в характере нормы и вариантов по сравнению с современностью, подчеркивая вместе с тем их теперешний облик. Эволюция литературного языка за это время убедительно демонстрирует, как вместе с системой языка изменялись его нормы. Сами нормы и варианты при этом предстают как историческая категория.

Своеобразие указанного периода состояло в том, что тогда происходило интенсивное формирование норм современного национального литературного языка. В связи с этим в литературе наблюдаются поиски и отбор наиболее подходящих наименований для многих специальных, отвлеченных и общеобиходных понятий. Лишь постепенно, в итоге более или менее длительного процесса сосуществования аналогичных по смыслу слов и форм, совершается выделение ведущих наименований, которые утверждаются в качестве общепринятых и ложатся в основу литературного словоупотребления нового времени. В первой половине XIX в. (уже во времена Пушкина, и особенно в его творчестве) система национального литературного языка предстает уже в сложившемся, определенном виде.

Предшествующий же период (XVIII — начало XIX в.) является как бы переходным, подготовительным, когда новые единые общенациональные литературные нормы лишь складываются, вырабатываются и закрепляются под пером выдающихся писателей, ученых, передовых мыслителей — Кантемира, Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Новикова, Радищева и других. Состояние литературного языка, потребность его развития в это время таковы, что обычной, «нормальной» является полиномия — употребление для передачи одного и того же смысла разных слов, представляющих попытки различным путем, с разных сторон обозначить то или иное содержание. В условиях литературно-книжного языка XVIII в. эти слова являются прямыми вариантами. Они «разрешены» именно в силу того, что отсутствуют еще единые способы обозначения многих понятий и происходят поиски, отбор наиболее подходящих из них.

Большинство таких слов-вариантов со временем отпало, однако их бытование в XVIII — начале XIX в. составляет интересную литературную «предысторию» многих употребительных в современном языке слов. Например, широко распространенное сейчас слово (и термин) *масса* утвердилось в общелитературном и научном обиходе лишь с конца XVIII в., до этого разными авторами предлагались и использовались в данном смысле различные слова и выражения — *куча*, *глыба*, *громада*, *собрание вещества*, *толща* и т. д. Известная формула произведения массы на квадрат скорости в трудах первых петербургских академиков звучала так: «произведение *толщи* A в квадрате скорости» (*толща* = масса) или закон о пропорциональности силы притяжения массе тела: «притягательные силы пропорциональны *количествам материи*» (*количество материи* = масса). Еще более поразительна история («предыстория») также ныне общеобиходного слова *предмет*. Оказывается, утверждению его (по происхождению это калька с лат. *objectum*) в языке предшествовала смена целого ряда вариантных наименований, выдвигавшихся в данном значении разными авторами. Достаточно сказать, что у видного писателя XVIII в. Тредиаковского в том же смысле, что сейчас *предмет*, *объект*, употреблялись *предлежащее* (как субстант. форма), *предлежащая вещь*, *предвержение*, *пред-*

вержность и т. д. Так, говорилось: «Ее [физики]¹ *предлежащее* [т. е. предмет, объект] сам есть человек». Слова *предмет* писатель почти не знал, оно было для него не освоенным еще неологизмом.

Подобных примеров можно привести много. Множественность в наименовании предметов и явлений в этот период повсеместна, и формирование новых литературных норм сопровождалось прежде всего постепенным сокращением полиномии. Так, среди многих наименований со значением «масса» утвердилось слово *масса*, со значением «предмет» — *предмет* (и позднее *объект*). С упрочением системы национального литературного языка существовавшее до этого положение меняется, содержание нормы и само понятие варианта (вариантности) становятся иными, аналогичными современным. В первой половине XIX в. с особенной силой проявляются процессы дифференциации и регламентации в сфере вариантной литературной лексики. Не выдержавшие конкуренции слова отпадали или получали иную смысловую и стилистическую специализацию.

Последнее оказывается чрезвычайно важным для судьбы многих слов. Удержаться и закрепиться в системе нового литературного языка могли только те элементы (в наших примерах лексические), которые получили собственную специфику, «свое», отличное от других, «место» в этой системе. Данное требование становится всё более строгим и беспощадным, быстро устраняя прежний разноречивый и множественный в наименованиях и создавая единообразие, закреплённость, свойственные русскому литературному языку нового времени (особенно в части специальной лексики). Так, слова *предлог* и *предложение*, которые ранее (XVIII в.) выступали как эквиваленты (существующие на равных правах) других слов со значением «предмет», сохранились лишь в иных, собственных смыслах (*предлог* как «повод», *предложение* как «тема для обсуждения»). Слово *объект* осталось наряду со словом *предмет* (при отпадении остальных вариантов) потому, что между ними устанавливается определенное функциональное разграничение, как бы закреплённое с точки зрения системы и нормы: слово *предмет* является более нейтральным и общеобиходным в устной и письменной речи, *объект* тяготеет к книжно-письменным контекстам.

Важнейшие изменения происходят в соотношении слов с близким или подобным смыслом (как только что упомянутые *предмет* — *объект*). Если раньше (XVIII — начало XIX в.) такие пары часто оказывались попросту вариантными (хотя, конечно, далеко не исчерпывались этим и были весьма разнообразны), то в дальнейшем сохраняющиеся синонимические связи слов непременно получали своего рода «системное» закрепление: само существование их основывается на определенных, свойственных каждому слову отличиях. Эти отличия как бы занесены в соответствующие «клеточки» системы, «зарегистрированы» в ней как признаки особых, отдельных единиц языка.

В конечном счёте именно в этом состоит главный перелом в поддержании нормы и вариантности (в рассматриваемом плане) в русском языке за последние два с половиной столетия. От положения, когда вариантность в известной мере отражает состояние системы и обусловлена ею, к строгому закреплению и мотивированному разграничению всех различающихся единиц словарного состава. В новых условиях в гораздо большей мере, чем в XVIII — начале XIX в., в литературном языке осуществляется общий принцип: «разные наименования — разное содержание». Немало устойчивых, действительных и в настоящее время смысловых соотношений слов устанавливается именно в этот период — с начала XIX в., например: *отвлеченный* (раньше

¹ Под физикой понималась в известной мере вообще наука о естественном мире.

и т. п. авантюрного содержания с раскрытием какого-либо преступления, тайны.

Фактически многие расхождения или отклонения в пределах нормы представляют собой разные способы выражения одного и того же. Наиболее наглядно предстает это в огласовке и оформлении слов. Относящиеся сюда примеры показывают также пределы «нормальных» вариантных расхождений и сами условия существования вариантов в литературном языке. Важно, что при кажущейся смысловой равноценности варианты имеют определенные различия, закрепленные употреблением. Наблюдающиеся в языке XIX—XX вв. полногласные и неполногласные формы (*течение* — *теченье*, *стремление* — *стремленье*) до сих пор остаются вполне регулярными вариантами, отмечаемыми словарями. Хотя в последних они чаще всего не имеют каких-либо ограничительных помет, неполногласные формы заметно тяготеют к стихотворным и разговорным контекстам или отражают определенную манеру автора.

Так, в очерках М. Шагинян — писательницы старшего поколения — «На „Волге“ по Франции» («Известия», 1965—1966) такие формы встречаются вперемешку, создавая известный манерный стиль. Здесь представлены полногласные варианты (*течение*, *окончание*, *оживление*, *прилежание*, *внимание*, *представления*, *продолжение* и др.) и наряду с ними неполногласные единицы — в аналогичных контекстах (*начинанья*, *пересеченья*, *стремленья*, *поколенья*, *населенья*, *впечатленья* и др.). Причем в одном отрывке может встречаться слово с полногласным и неполногласным — *название* (...в городах с совершенно *незнакомыми мне названиями*) и *названье* (...дали свои *названья* частям страны), *впечатления* и *впечатленья* и др. Все указанные выше слова с неполногласием отмечаются в большом академическом «Словаре современного русского литературного языка» как варианты полногласных форм, однако соотношение их в иллюстративном материале самого словаря ясно показывает жанрово-стилистическую ограниченность неполногласных вариантов. Из 13 примеров к слову *название*, *-ье* лишь один содержит неполногласие, и взят он из стихотворной басни Михалкова. В слове *расставание*, *-ье* неполногласная форма иллюстрируется примером из стихотворения Лермонтова, а также в просторечном (*на расставанье*) и разговорном употреблении.

В тех же очерках М. Шагинян встречаем слова *сантиментальный*, *сантименталист* (вместо огласовки *сентиментальный*, *сентименталист*), которые, хотя и бытуют в литературном языке (в основном, до первых десятилетий XX в.), несут на себе отпечаток устарелости и стилистической окрашенности. Однако все эти колебания являются, в общем, допустимыми и «правильными» с точки зрения современной нормы, отражая лишь исторические изменения и стилистическую дифференциацию в употреблении слов. Наиболее важным с точки зрения нормы и ее вариантов является определение того, когда отклонение от обычного, «нормального» переступает через порог «правильности» и превращается в речевую ошибку, ляпсус, нарушение литературного стандарта. Именно в эту сторону направлено внимание языковедов, занимающихся культурой речи, состоянием и направлением развития современной речи. Интенсивные стилистические, профессиональные и территориальные смещения в лексике русского языка вызывают подчас изменения в речи, которые сразу трудно оценить. Наряду с очевидными неправильностями, как, например, вызванное влиянием просторечия *завесить* вместо *взвесить* (продукты, товар); объясняемое влиянием языковых предрассудков *кто крайний?* вместо *кто последний?*; устойчивые ошибки в управлении *оплачивать за проезд* вместо *оплачивать проезд* и *платить за проезд*; в ударении *звбнишь*, *позвбнишь* вместо

звонийшь, позвонийшь и др., существует еще немало явлений, так сказать, не устоявшихся, характер которых еще не определился.

Трактовка последних особенно трудна и требует известной выдержки и терпения, поскольку, хотя они и представляют собой очевидные отступления от обычного, считавшегося до сих пор «правильным», общее употребление подхватывает многие из них, давая им определенное право гражданства в языке.

Например. Наряду с литературными *серьезный, серьезно, серьезность* в просторечии известно существительное *серьез* в значении «серьезность». В современном четырехтомном «Словаре русского языка» отмечены такие примеры с ним: *Настоящего серьеза в ней (девушке) нет* и в устойчивом сочетании *на (полном) серьезе*. Однако в последнее время слово *серьез* выходит за рамки просторечия и вторгается в литературную речь. В составе таких сочетания, как *на полном серьезе, с полным серьезом*, оно все шире распространяется в газетном языке, правда, часто в иронических, фельетонных контекстах; однако сами по себе сочетания выступают здесь по сути дела нейтрально, во всяком случае они не имеют просторечной окраски. Например, в критических репликах:

... [в журнале] эта штука была преподнесена *с полным серьезом*; трудно согласиться, что проект готовился *на полном серьезе*.

Конечно, проще всего объявить подобные явления неправильностью, ошибкой, указать, что надо употреблять в приведенных примерах соответственно *серьезно, с полной серьезностью* и т. д. Но нельзя не считаться вообще и с тем, что в поисках новых выразительных средств язык (говорящие) выдвигает и оживляет средства, до того находившиеся как бы на периферии или вовсе ранее не известные. Долг лингвиста прежде всего внимательно разобраться в происходящих языковых изменениях, уловить существо протекающих процессов, что с полным основанием позволит выделить очевидные ошибки, предупреждая в то же время против неумеренного использования не определившихся еще, но «модных» новаций. Внимательное изучение литературной традиции и вместе с тем действующих в речи тенденций поможет с большей точностью определить содержание нормы и вариантов в том или ином случае на соответствующем этапе развития языка.

УПОТРЕБЛЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННЫХ СЛОВ

В составе лексики русского литературного языка, как известно, есть слова, закрепленные за разновидностями речи специального назначения и имеющие в результате этой закрепленности стилистическую окраску: вне привычного для них речевого окружения они вызывают ассоциации с этим окружением¹.

Не все вопросы, касающиеся стилистически окрашенной лексики, можно считать окончательно решенными. Один из них — вопрос о возможностях ее употребления.

Известно, что лексика нейтральная, не закрепленная за какими бы то ни было разновидностями речи, может быть употреблена при любых условиях общения, если возникнет потребность в назывании соответствующих реалий.

Возможности «серьезного» употребления стилистически окрашенных слов ограничены. Это объясняется их свойством всегда — хочет или не хочет того говорящий — вносить в речь определенный стилистический аромат. За пределами своих речевых разновидностей они вполне уместны в стилистически нейтральных контекстах, если говорящий преследует цель окрасить речь в соответствующий стилистический тон, придать ей соответствующее стилистическое назначение. Если же у говорящего такой цели нет, они оказываются неуместными, хотя неуместность их скрытая; диссонанса они не создают. Диссонанс, более или менее резкий (это зависит от характера стилистической окраски и от ее интенсивности), возникает при использовании стилистически окрашенных слов в речи, «тональность» которой не гармонирует с их окраской. Речь приобретает тогда комический характер. В этих условиях стилистически окрашенные слова допустимы только при намерении шутить или иронизировать. Сравните два примера:

1. Сверлильные станки *оглашали* воздух нестерпимым, тонким и резким визжанием.
2. Мы полюбили мяукать на разные голоса. И вся гимназия *огласилась* писком, визгом и мяуканьем целого полчища кошек².

В обоих случаях выделенные слова (они вносят в речь возвышенный тон) ощущаются как чужеродные элементы. Но употребление слова *огласиться* представляется оправданным, так как здесь довольно ясно ощущается стилистическая направленность высказывания (шутливая).

Задача выявить возможности употребления каждой из групп стилистически окрашенной лексики непосредственно связана с борьбой за чистоту и правильность речи. Эта достаточно трудная задача осложняется еще и тем обстоятельством, что не все лица, владеющие литературным языком, одинаково воспринимают слова. У одних какое-то слово может вызывать ассоциации с определенной разновидностью речи, для других оно стилистически нейтрально. Поэтому необходимо

¹ Ср., например, стилистические различия слов *воспрепятствовать* — *запрещать*, *вследствие* — *из-за*, *кудлатый* (*кудлатая собака*) — *лохматый* (*лохматая собака*); *лазурный* — *светло-синий*, *нива* — *поле*.

² Все примеры, используемые в этой статье, взяты из произведений XIX—XX вв. и из современной устной речи.